

Stephen Lovell

Russia in the Microphone Age: A History of Soviet Radio, 1919–1970

Oxford: Oxford University Press, 2015

В 2016 году книга Стивена Ловелла “Russia in the Microphone Age: A History of Soviet Radio, 1919–1970” была признана лучшим исследованием среди работ, посвященных истории России, Восточной Европы и Евразии в области литературоведческих и культурных исследований¹. Высокая оценка этой работы академическим сообществом (стоит отметить, что книга к тому моменту получила множество одобрительных рецензий) обусловлена не только превосходным качеством исторического исследования, но и неослабевающим интересом к истории медиа и их месту в современном политическом и культурном пространстве России.

Профессор российской истории в King’s College London Стивен Ловелл известен российскому читателю как автор первой исторической монографии о феномене русской дачи в его социально-культурном измерении². Но-

вая работа Ловелла посвящена радио — явлению совершенно иного рода; но и здесь историка интересуют прежде всего культурные и политические процессы, связанные с этим многогранным феноменом. Эта книга стала результатом многолетних размышлений автора о формировании слушательского опыта, а также о значении и восприятии публичных выступлений в России. В основу книги легли опубликованные ранее статьи по истории советского радиовещания и публичных выступлений³. Формы и практики подобных выступлений, которые предшествовали звуковому воспроизведению: лекции, речи, митинги и театр, — по мнению Ловелла, послужили прототипом радиовещания.

Ловелл ставит перед собой задачу обоб-

¹ Речь идет о престижной премии “The University of Southern California Book Prize in Literary and Cultural Studies”, ежегодно вручаемой на съездах Ассоциации Славистических, Восточно-европейских и Евразийских исследований (ASEEES).

² Ловелл С. *Дачники. История летнего жилья в России, 1710–2000*. СПб: Издательство ДНК, 2008.

³ LOVELL S. *Broadcasting Bolshevik: The Radio Voice of Soviet Culture, 1920s–1950s* // *Journal of Contemporary History*. 2013. Vol. 48, № 1. P. 78–97; ИДЕМ. *How Russia Learned to Listen: Radio and the Making of Soviet Culture* // *Kritika: Explorations in Russian and Eurasian History*. 2011. Vol. 12, № 3. P. 591–615; ИДЕМ. “Glasnost” in Practice: *Public Speaking in the Era of Alexander II* // *Past and Present*. 2013. Vol. 218, №1. P. 127–158; ИДЕМ. *The Magnitofon and the Rhetoric of Soviet Broadcasting* / NICOLOSI R., ZIMMERMANN T. (Eds.) *Ethos und Pathos: Mediale Wirkungsästhetik im 20. Jahrhundert in Ost und West*. Wien-Köln-Weimar: Böhlau Verlag, 2016.

щить историю радиовещания в России и, действительно, создает первый нарратив о советском радио на английском языке. “Russia in the Microphone Age” представляет собой коллекцию взаимодополняющих друг друга эссе. Каждая из семи глав повествует о том или ином аспекте полувековой истории советского радиовещания и может быть прочитана самостоятельно. Несмотря на кажущуюся дробность, главы связывает общий тезис о взаимной трансформации культурного и политического пространств в рамках эпохи, именуемой автором “микрофонной”.

Ловелл как будто сознательно избегает объяснения предложенного им понятия *microphone age*, которое он использует в названии книги и лишь однажды употребляет в заключении (С. 212). По всей вероятности, “микрофонная эпоха” является синонимом нового медиапространства, в котором произошел переход от звука к сигналу. Отправной точкой исследования и своего рода началом микрофонной эпохи в России стало событие, случившееся в разгар Гражданской войны. 27 февраля 1919 года инженерам нижегородской радиолaborатории под руководством Михаила Александровича Бонч-Бруевича удалось совершить успешный опыт беспроводной передачи голосового сообщения в Москву. Как оказалось, новая историческая эпоха России началась одновременно с новой медиаэпохой.

Во введении к книге, озаглавленном “Почему радио?” (Why Radio?), автор объясняет необходимость использования медицентричного (*media-centered*) подхода, который способен обогатить наши представления о том, как формировалось политическое пространство под влиянием нового средства массовой информации — радио. По мнению Ловелла, радио больше любого другого медиа соответствовало траектории режима, который стремился его контролировать (С. 3). Автор считает неверным представление о так называемой “эпохе радио”, которое позволяет сравнивать этапы истории радио в разных странах. История радио, говорит Ловелл, разворачивается в национальном контексте, формируемом особыми экономическими и политическими условиями, а также спон-

тантными событиями. В России радиовещание не имело дореволюционной истории, а значит, возникновение этой медиаиндустрии, а также любые принципиальные решения относительно технического обеспечения радиовещания следует анализировать в советском социально-политическом и экономическом контексте; комплексное изучение различных аспектов радиоиндустрии позволяет увидеть новые слои советской истории.

Едва ли книгу Стивена Ловелла стоит сравнивать с существующими работами по истории радио на русском языке. К сожалению, кроме немногочисленных исследований, затрагивающих некоторые аспекты институциональной истории, эстетических особенностей радиовещания и радиоцензуры⁴, до сих пор не появилось хоть сколько-нибудь значимого обобщающего труда по истории радио и радиовещания в СССР. Доносившиеся радиоголоса возникали и исчезали на страницах книг по истории советского периода как побочная тема и выполняли скорее иллюстративную роль. Тенденцией последнего десятилетия стал интерес к изучению взаимовлияния радиовещания на политические и культурные процессы на основе региональных материалов. Взгляд на полвека советской истории через призму радиовещательных практик делает работу Ловелла особенной; она, безусловно, заполняет историографический пробел.

Вместе с тем Ловелл рассматривает радио как способ коммуникации, унаследовавший элементы известных ранее форм, таких как газета, граммофон, телеграф и телефон. Возможности радио могли расцениваться современниками в трех измерениях: как способ распространения политизированной информации на большие расстояния, как коллективный организатор и как движение от тьмы к свету, символом чего становится образ бородатого крестьянина, слушающего радиопередачу (С.8, Рис. 0.2). Вопреки ожиданиям

4 ГОРЯЕВА Т. Радио России. Политический контроль советского радиовещания в 1920-х–1930-х годах. Документированная история. М.: Фонд Первого Президента России Б. Н. Ельцина, РОССПЭН, 2009; ШЕРЕЛЬ. А. Аудиокультура XX века. История, эстетические закономерности, особенности влияния на аудиторию. Очерки. М.: Прогресс-Традиция, 2004.

современников, потребовались годы, прежде чем эта в буквальном смысле революционная технология позволила создать “газету без бумаги и расстояний” и организовать “митинг миллионов”, о котором мечтали большевики. Радио открыло новое технологическое и риторическое пространство, огромный потенциал которого еще только предстояло использовать (С. 71).

Культурное значение радио было ограничено бедностью и неразвитостью СССР. Но до начала тридцатых радио свободно и динамично развивалось как средство массовой информации. Со второй половины 1920-х годов предпринимались малоэффективные попытки установить беспроводное радиовещание и сделать радиоприемные устройства более доступными: в частности, поощрялась радиолюбительская деятельность “технофилов”. Девяносто процентов радиослушателей того времени были владельцами детекторных приемников, из которых семьдесят процентов были самодельными (С. 28). Персонализированные ушные телефоны, как тогда называли наушники, использовавшиеся для работы с детекторными приемными устройствами, “индивидуализировали” и без того немногочисленных радиолюбителей — технофилов, имеющих доступ к радиоэфиру, и не способствовали увеличению числа радиослушателей. Ситуацию усугубляли противоречия между техническими экспертами, которые доказывали преимущества беспроводного вещания, и бюрократами, стремившимися расширить радиоаудиторию, контролируемую проводной сетью (С. 26). Последние опасались, что в случае войны буржуазные страны могут заглушать советские радиотрансляции. По соображениям безопасности советские радиостанции — особенно в приграничных регионах — использовали для трансляций волны, близкие зарубежным станциям, чтобы во время направленной передачи их можно было заглушить. Это утверждение Ловелл подкрепляет схемой-планом развития радиовещания, которая свидетельствует об особом внимании государства к строительству пограничных радиостанций. Но и у граждан внутри страны оставалось все меньше шансов скрыться от новой звуковой экспансии. Ре-

продукторы и громкоговорители устанавливали в местах скопления людей: на фабриках и площадях, в коммунальных квартирах и жилых бараках. Радио стало элементом преимущественно городской культуры и трансформировало поведенческие привычки горожан, а для жителей деревни оказалось самым доступным чудом современного мира.

В это же время происходит окончательное разделение на тех, кто говорит, и тех, кто слушает. С расширением сети проводного вещания и появлением так называемых радиоточек удалось значительно улучшить качество трансляций, и радио смогло реализовать свой мобилизационный потенциал. К началу 1930-х контроль за радиоэфиром был усилен: появилась так называемая сетка вещания и был ограничен доступ к эфиру радиолюбителей. Во избежание помех радиолюбители могли выходить в эфир и передавать и получать сигналы с помощью беспроводных передатчиков только в диапазоне коротких волн.

Структура управления радиовещанием периодически менялась. Так, в начале 1930-х годов Комитет по радиофикации и радиовещанию перешел в прямое подчинение Совнаркому. Политические тенденции видоизменяли как слушательские, так и вещательные практики. Нерегулярные трансляции с низким качеством звука сменились сеткой вещательных программ, а импровизированные выступления — отредактированными текстами “простых рабочих”-стахановцев (С. 59). С одной стороны, в радиокомитет поступали рекомендации давать доступ к микрофону простым людям во время радиомитингов и радиоперекличек (С. 56). С другой стороны, во избежание политических рисков выступления “простых людей” подвергались предварительной редакции и чаще всего представляли собой письменные тексты, которые зачитывали сотрудники радиостудии (С. 69). Голоса дикторов стали узнаваемыми, произнесенные ими слова звучали весомо и авторитетно. Обратной стороной стало то, что за ошибки, допущенные центральными редакциями, могли попасть под арест сотрудники региональных радиоредакций (С. 94).

К 1940-м годам плоская черная тарелка

становится символом нового публичного пространства и эффективным инструментом мобилизации. Согласно статистике, к которой автор неоднократно обращается в своей книге, накануне Великой Отечественной войны из семи миллионов слушательных устройств Советского Союза 80% были включены в систему проводной сети вещания. К сожалению, Ловелл не приводит данных о том, насколько равномерно (или неравномерно) радиоточки были распределены по регионам.

В первые годы хрущевской оттепели радиовещание оказалось под контролем министерства культуры. Центральное вещание заметно стирало социальные и экономические границы, уравнивало слушателей всего Советского Союза. Появлялось все больше передач, использующих жанр беседы у микрофона, которые обращались напрямую к слушателю, а не к коллективу. (Однако детское радиовещание сохраняло установку на обращение к (детскому) коллективу, как это было, например, в передаче “Пионерская зорька”, в создании которой участвовали известные писатели, поэты и музыканты.)

По официальным данным, страна была полностью радиофицирована к 1960 году (С. 143). Повсеместность радио и успех радиофикации подтверждают устные свидетельства современников. Однако стационарная точка с двумя каналами передачи к этому времени перестала удовлетворять советских слушателей. Идя навстречу запросам советских граждан, Государственный комитет по радиовещанию запускает новые каналы — “Юность” и “Маяк”, а радиослушатели в поисках новых сигналов приобретают транзисторные радиоприемники, позволяющие ловить иностранные радиостанции.

Ловелл пытается разрушить стереотипное представление о безусловном доверии советских слушателей, в особенности технически подкованных радиолюбителей, к передачам “Радио Свободы”, Би-Би-Си или “Голоса Америки”. Обращаясь к мемуарам и устным воспоминаниям, исследователь обнаруживает, что люди зачастую сомневались в непредвзятости информации иностранных “голосов”. Нельзя не согласиться с Ловеллом в том, что слуховая память (aural memory), как и любая

другая, политизирована (С. 6), а значит, может быть искажена в воспоминаниях. Подобно тому, как советский радиолубитель 1960-х годов настраивался на частоты заграничных станций, Стивен Ловелл прислушивается к хору советских радиоголосов, пытаясь слышать жанровое многоголосие, элементы экспериментального вещания, противоречащие установкам сверху. Однако выводы автора оказываются неутешительными: большинство программ записывались на пленку, а прямых эфиров в 1970-е становилось все меньше.

Виртуозно переплетая разрозненные материалы ведомственных, партийных и профсоюзных организаций из государственных архивных коллекций, Ловелл реконструирует историю советского радиовещания. Автор хотя и опирается на результаты региональных исследований, обращаясь к материалам некоторых региональных архивов, но все-таки главным образом рассказывает в своем исследовании о радио в крупных городах. Он также обращается к сборнику документов по истории радио, которые стали доступны более двадцати лет назад, но тем не менее еще не были проанализированы исследователями⁵. В книге Ловелла содержатся уникальные иллюстрации из коллекции Центрального музея связи им. А.С. Попова в Санкт-Петербурге, многие из которых опубликованы впервые.

Ловелл не претендует на всеобъемлющее исследование, поэтому за рамками остаются важные аспекты истории советского радио — например, практика любительских радиотрансляций и радиоспорт, деятельность региональных редакций и организация вещания на национальных языках, а также деятельность служб инновещания. Следуя за своими источниками, автор поддается соблазну и отождествляет СССР и Россию, смешивая границы, а местами незаметно для себя подменяя контекст.

Вывод автора о том, что к 1970-м годам дискурс советской культуры был в большей степени аудиовизуальный, чем слуховой, подтверждает популярную гипотезу о комплексности информационных технологий.

5 Горяева Т. “Великая книга дня...” Радио в СССР. М.: РОССПЭН, 2007.

Так, если в 1930-е и 1950-е было достаточно радиорепортажей, советские люди слушали по радио об убийстве Кирова и смерти Сталина, а в 1961-м даже за полетом Гагарина следили в прямом радиоэфире, то к концу 1960-х казалось необходимым смотреть на Леонова в открытом космосе по телевизору, пусть и не в прямом эфире. Подобным образом современные технологии переместили медиа предыдущих эпох в виртуальную среду, не

сокращая при этом их влияния в информационном пространстве. Так в эпоху интернета радио как воображаемая “газета без бумаги и расстояний” стало восприниматься скорее как веб-сайт без экрана и поисковой системы, заключает Ловелл. Изменилась точка отсчета, а вместе с ней и восприятие информации.

Екатерина Рыбкина